

Этимологический, семантико- словообразовательный и лингвокультурологический аспекты русской соматической лексики (на примере слова *голова*)

Немцева Л.С.*

Соматизм *голова* в этимологическом аспекте.

Этимологический анализ представляет собой исследование в диахронической плоскости. Применение метода этимологического анализа – первый шаг в изучении сущности вербализованного концепта, определение «исходного понятия», исторического момента его зарождения и последующего становления в человеческом сознании. Другими словами, «этимология есть предыстория, дописьменная история концепта». Дописьменная история культуры запечатлена в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав – вот первое оригинальное достояние русской культуры [Степанов, 2001:6].

Этимологическое исследование исконной лексики того или иного языка, согласно традиционной точке зрения, сводится к доказательству ее исконности. Таким доказательством служит предъявление слов, соответствующих данному, из языков, восходящих к тому же языку-предку, и установление реконструкции праязыкового слова, прямым продолжением которого является рассматриваемое слово.

Между балтийскими и славянскими языками наблюдается лексическая общность – свыше 1600 слов. Эпоха балто-славянского единства отмечена важными инновациями лексики и семантики, в частности новообразования

* Г. Владивосток, ДВГУ, RUSSIA

названий «железо», «голова», «рука», и др. . Индоевропейский праязык является фоном и предысторией славянского языка [Трубачев, 2002:176].

Анализируя именное индоевропейское словообразование, Ю.С. Степанов отмечает, что слова, именующие части человеческого тела, отмечены исследователями как компактная семантическая группа, обладающая характерными семантическими показателями – индоевропейскими суффиксами **-n-(*-en, *-n-)* и **-r-*, представляющие древнейшее индоевропейское изменение имени – гетероклитическое склонение:

- голова, ухо, рот, веко;
- рука, ладонь, бедро;
- кровь, испражнения, навоз;
- тело (первоначально – сруб, постройка).

Человек и его тело производят специфические, только им свойственные действия (садиться, ложиться, вставать). Ю.С. Степанов обращает внимание на родство флексий глагола в среднем залоге (медия) и в перфекте, категория состояния, и указывает, что в группе глаголов, означающих движение человеческого тела, глагол действия означает человека как «тело и дух» неразрывно, как инициатора действия; глагол состояния означает состояние, точнее - положение, только «тела» человека: человек как «тело и дух» заставляет принять определенную позу «тело человека»; поэтому глагол, соответствующий результату этого процесса, состоянию «сидения», «лежания», «стояния» должен быть в перфекте, но иметь некоторый общий показатель с глаголом, означающим само действие – «сажать себя, садиться», «класть себя, ложиться», «ставить себя, вставать». Следовательно, «движения, действия человеческого тела» составляли в культуре особую группу действий, типизированную языком и закрепленную в его формах. Некоторые специфические действия человеческого тела ритуализовались, другие дали начало символическим жестам, которые, заменяли словесное выражение и становились знаками концептов [Степанов, 2001:332 – 334].

Слово **голова** – по происхождению общеславянское, имеющее соответствия в балтийских языках (восточнославянская группа: украинский

голова, белорусский *галава*; западнославянская группа: польский *głowa*, кашубский *glowa*, чешский *hlava*, словацкий *hlava*; южнославянская группа: болгарский *глава*, македонский *глава*, словенский *gláva*, литовский *galva*, сербо-хорватский *глава*, старославянский *глава*), следовательно восходит к единому источнику – праславянскому языку – определенной эпохе развития славянских диалектов.

Праславянский язык сложился задолго до начала новой эры в результате объединения и совместного развития диалектов «индоевропейского праязыка» - предполагаемого предка обширной семьи индоевропейских языков, к которой относятся языки Индии, Ирана, Афганистана, греческий, итальянские, германские, балтийские. Эпоха существования близких друг другу диалектов уходит в глубь тысячелетий. Исторический и археологический материал характеризует славян того времени как многочисленный народ, живущий в лесных районах вдоль рек и озёр на равнинных местах в открытых поселениях в полуземлянках с каменной печью, пользующийся керамической посудой домашнего изготовления, знакомый с охотой и рыбной ловлей, но не занимающийся земледельческим трудом. Большинство исследователей считает, что праславянская эпоха заканчивается до середины I тысячелетия нашей эры.

Одно и то же значение слова может восходить к двум и более различным прототипам, что допускается нередко и фонетическими соответствиями. Существует две точки зрения на происхождение слова **голова**:

1. восходит к индоевропейскому **gel-* «что-то округлое», представляя перегласовку (**golv-* / **gelv-*) к древнерусскому *желва* «черепаша, желвак». Исходное значение **golva* в таком случае – «скорлупа, череп».

2. восходит к индоевропейскому **gal-* «голый, лысый» (как и славянское **golb*), который (с наращением **-u-*), возможно, представлен в общеславянском **golua* «голова» [Этимологический словарь русского языка, 1972: 118-119, 123].

Отмечается, что слово является экспрессивным вторичным именем головы. Первоначальное значение «череп(ок)». Подобное явление наблюдается и во французском языке, где *tête* «голова» < латинскому *testa*

«череп, черепок, горшок»; *testudo* «черепаха», что соотносится с просторечными названиями головы – котелок, горшок, черепок [Шанский, Боброва, 1994:59].

П.Я. Черных не связывает общеславянское **golva* с латинским *calva* – «череп», отмечая первоначальное значение как «голая, лысая голова», возможно даже «череп» [Черных, 1999:200].

Макс Фасмер также отмечает двоякую природу слова **голова**, сравнивая родственные литовский, латышский, древне-прусский, приходит к выводу, что праславянский **ghōlū* может быть родственен *желвь* «черепаха, желвак», продолжая сравнительную линию с французским *tête* «голова» и латинским *tēsta, tēstūdō*. И с другой стороны, слово **голова** сближается с «голый», сравнивая с древне-верхне-немецким *calva, calvitium* и латинским *calva* «череп» от *calvus* «лысый» [Фасмер, 1986:429].

Известный этимолог О.Н. Трубачев, анализируя индоевропейский **ghōlū* с начальным придыхательным, считает, что существуют определенные ограничения на возможные дальнейшие сравнения с древне-исландским *kollr* «голова» и с древне-верхне-немецким *calua, calvitium*, к которым примыкает и праславянский **golь* с индоевропейским **g* без придыхания. Трубачев видит дальнейшее осмысление индоевропейского **ghōlū* «голова» в установлении его родственной связи с индоевропейским **ghelu* «черепаха», относя сюда же и праславянский **žely*, который выступает не только в значении «черепаха», наиболее веском типологически, но и в значении «шишка, опухоль». Родство названий «черепахи», «шишки» и названия «голова» показывает инновационный характер индоевропейского слова [Этимологический словарь славянских языков, 1979:221].

Следовательно, можно предположить, что слово **голова** может быть родственно индоевропейским **golva* «скорлупа, череп», **golь-* «голый, лысый», **ghelu* «черепаха, желвак».

Словообразовательные особенности соматизма *голова*.

Словообразовательное гнездо репрезентирует все основные свойства определенного лексического класса. Возникающие в словообразовательном гнезде смысловые отношения образуют словообразовательные парадигмы. Словообразовательный анализ позволяет выявить и воссоздать фрагмент картины мира, который отражен в производных словах и устойчивых сочетаниях соматического происхождения.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова представлено около 200 производных слов в словообразовательном гнезде с исходным соматизмом *голова*. Наиболее частотны **производные субстантивного типа**: *голова* > *головочка*, *головка* (суффикс – очк(а), -к(а)) с уменьшительно-ласкательным значением. Соматизм *голова* имеет несколько параллельно употребляющихся производных: *голова* > *головка* > *головушка* > *головёнка* > *головонька* > *головочка*; некоторые производные называют предметы быта и одежды: *голова* > *головник* > *головница* > *подголовник*; наименование лиц, определяемое внешними признаками, в частности, интенсивное обладание определенной частью тела в чрезмерной степени (суффикс –ач-): *голова* > *головач* – слово имеет лексическое значение «рыба, бычок». Производное абстрактное существительное от прилагательного с помощью суффикса – ость > *длинноголовость*, *короткоголовость*, *пустоголовость*, *тупоголовость*; префиксально-суффиксальные образования > *изголове*, *наголове*, *поголове*; композитное существительное – *головокружение*. В словообразовательном гнезде представлены также стяженные субстантивные прилагательные – названия видов животных и растений: *длинноголовый* < *длинноголовый*, *собакоголовые* < *собакоголовый*, *явноголовые*, *ямкоголовые*, *головоногие*, *дубинноголовые*, *змееголовые*, *клювоголовые*, *хоботноголовые*, *цельноголовые*, *щитоголовые* и др.. Многие названия животных называют основной признак описательного характера, отражающий особенность внешнего вида животных, при этом первый компонент часто указывает на характерную особенность (размер, форма, цвет, сходство, количество) части

тела, представленной вторым компонентом – голова. Представлены также и названия растений: *болиголов, змееголовник, пыльцеголовник, черноголовник* и др.

Производные адъективного типа представляют названия животных, птиц, которые обладают качеством, свойством того, что обозначено производящей основой: *длинноголовый, большеголовый* (величина), *одноголовый, шести/тысяче/много/малоголовый* (количество), *толсто/остроголовый* (форма), *красно/желто/златоголовый* (цвет).

Производные вербиального типа: *голова* > *возглавить, обезглавить* и др. – глаголы выражают завершенность действия, лишить того, что названо производящей основой.

Адвербиальная группа: *поголовно, головокружительно, вполголовы*.

Наиболее типичные словообразовательные цепочки: существительное > прилагательное (*тупоголовый*), существительное > прилагательное > существительное (*тупоголовость*), существительное > существительное > существительное (*боеголовка*), существительное > существительное > прилагательное (*головчатый*), существительное > глагол (*возглавить*).

Фрагмент картины мира выражается посредством языка с присущими ему грамматическими особенностями, в частности, для русского языка характерны аффиксация и композиция.

Лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты соматизма *голова*.

Русская культура «реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты. В той мере, в какой эти слова и выражаемые ими концепты этимологически возникают из общеславянских и индоевропейских слов» [Степанов, 2001:8].

Распространение и развитие русской письменности и литературы начинается после официального принятия христианства – с конца X – начала XI в.. С этого времени на Руси получают широкое распространение

богослужбные тексты на старославянском языке, который признан древнейшим славянским литературным языком. Но уже в самый момент своего зарождения в переводах Константина и Мефодия старославянский язык представлял собой не механическую запись одного из болгаро-македонских диалектов, а сознательно организованный литературный язык, носивший «наддиалектный» характер [Толстой, 1961, №4]. Но большая близость старославянского языка обусловила не только его быстрое распространение, но и его быстрое исчезновение: старославянский язык испытал активное влияние разговорных языков славянских народов, утратив первоначальную специфику.

Влияние старославянского языка на развитие древнерусского литературного языка было исключительно велико. Прежде всего это прослеживается в области лексики. Лексика старославянского языка очень близка к древнерусской лексике, особую группу составляют старославянизмы, отличающиеся от русских слов звуковым обликом: *глава* (русск. *голова*), *град* (русск. *город*), *равный* (русск. *ровный*) и др. Выбор старославянского или русского варианта зависел от темы и предмета рассуждения, повествования или описания: старославянизмы преобладают в текстах религиозно-учительных, в рассказах о «чудесах» святых, об основании церквей и монастырей, а в описаниях бытового характера, в рассказах о воинских походах и битвах чаще используются русские варианты. Но очень часто употребление того или иного варианта оказывалось просто случайным [Лихачёв, 1967:85].

Человек осознаёт в окружающей действительности посредством органов чувств и частей собственного тела. Соматическая лексика представляет собой универсальную лексическую группу. Слова, обозначающие тело человека, относятся к наиболее древнему пласту лексического состава любого языка.

Интерес к соматической лексике обусловлен возрастающим вниманием к антропоцентризму в языке, к проблеме человеческого фактора, языковой личности, к антропологической лингвистике, которая изучает язык «в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью [Постовалова, 1988:8].

В культурном пространстве соматический код занимает первое место, «потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих. Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С Этого же началась и окультурация .., иначе говоря, через осознание себя человек пришёл к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность» [Красных, 2003:236].

В русской традиции народная концепция человеческого тела берет начало из мифологической картины мира. Тело человека представляется как нечто целое, а его части – как элементы этого целого. «Человек отождествляет своё тело со Вселенной: структурные элементы в модели человеческого тела имеют соответствия в макрокосме и тождественны им: плоть – земля, кровь – вода, глаза – светила, голова – небо и т.д. ... У многих народов вертикальное членение человеческого тела как бы повторяет устройство мира: голова соотносится с небом, ноги – с землёй, пуп (центр тела) – с центром мира («пуп земли»)» [Мазалова 2001:6].

С точки зрения пространственной ориентации – анатомическая ориентация тела человека: передняя часть – та, где расположены органы чувств, органы зрения, а задняя часть – сторона спины, что отражает структурный ассиметризм человеческого тела.

Лексикографические источники определяют слово **голова** в нескольких значениях:

1. **часть тела**: Любо голову свою слою, пакы ли отчину свою налѣзу (Ип. л., 6658); Твои мець, а нашиѣ головы (если хочешь, воюй съ нами) (поговорка – Новг. л.) [Срезневский, 1989:542-546];

Ты же постАсА помажи главѣ твоѣ и лице твоѣ оумыи (Остромирово евангелие 1056-1057, 124 а/б, Евангелие от Матфея VI, 17). Вамъ же и власи главы вси иШтеНи соуть (Мстиславово евангелие 1117, 33 б, евангелие от Матфея X, 30) [Словарь старославянского языка восточно-славянской редакции XI – XIII, 1987:85];

2. **глава, возждь**: Имамъ... бѣ нашего головоу надъ всѣми главами (Козм. Халк. о жен.) (Новг. Корм. 1280-хъ г., 343) [Срезневский, 1989:542-546];

поставить въ главу (кому?) – возвысить, сделать начальником над кем-л., поручить руководство кем-л.: поставиши мА въ главу

Ѡзыкомъ. людѣѠ ихъ же Ѡе зѠ ахъ работаша ми (Бычковская псалтырь XI 1об., XVII, 44) [Словарь старославянского языка восточно-славянской редакции XI – XIII, 1987:85];

3. **глава жгълоу** – камень, лежащий в основании постройки, важнейшая, существеннейшая часть, основа чего-л.: *камѠнь Ѡего же Ѡеврѣдоу сътвориша жиждѠшеи съ бысть въ главѠ жгълоу* (Остромирово евангелие 1056-1057, 79 в, Евангелие от Матфея XXI, 42) [Словарь старославянского языка восточно-славянской редакции XI – XIII, 1987:85];

4. **глава** – часть книги, литературного произведения: *ва (Ѡе) Ѡ (Ѡ) иоаѠа: гла(в): Ѡ: искоѠи бѣ слово* (Остромирово Евангелие 2а, Соборное послание первое апостола Иоанна) [Словарь старославянского языка восточно-славянской редакции XI – XIII, 1987:86];

5. **верхъ, капитель у колонны**: *Стоить же столпъ поприще отъ города камень, а на немъ орел камень изваянь, высота же камени десяти лакоть, съ головами же и съ подножьками 12 лакоть* (Ип. л. 6767) [Срезневский, 1989:542-546];

верхъ, то, что возвышается надъ остальнымъ: *И есть твердъ ко взятію (столпъ Давидовъ): то есть голова всему граду тому* (Дан. Иг. 33) [Срезневский, 1989:542-546];

6. **человѣкъ, единица при счетѣ людей**: *Что есмь зашли мечемъ, того ся сступаемъ и головами размѣнишася!* (Псков. I л. 6749); *Взяша съ головъ окупа 300 рублевъ* (Новг. I л. 6906) [Срезневский, 1989:542-546];

7. **убитый**: *Аже кто оубиѣтъ кнѠжѠ мужа въ работи а головьника не ищють. То вирьвноую платити въ чѣѠе и же вѣрви голова лежитъ* (Р. Прав. Ярослав. по Син. сп.) [Срезневский, 1989:542-546];

8. **совѣсть, душа**: *Тотъ грѣхъ на мнѣ и на моеи братіи головахъ* (Соф. вр. II, 56) [Срезневский, 1989:542-546];

9. **умъ**: *Се азъ одиною худюю своею головою ходя удержалъ всю Галчикую землю* (Ип. л. 6695) [Срезневский, 1989:542-546].

Таким образом, слово **голова** в древнерусском языке являлось многозначным, что характерно и для современного русского языка.

В лексической системе языка соматизмы как лексико-тематическая группа имеют полевую структуру: ядро, в котором определяются значимые

признаки и периферию, где признаки представлены менее ярко. В ядро входят соматизмы, определяющие названия наружных, физически активных частей тела человека: *голова, лицо (нос, глаз, рот), ухо, руки, ноги*, а также *ум и сердце*.

Ядерные значения соматизма *голова* в словарях современного русского языка определяются как: часть тела человека или животного, состоящая из черепной коробки и лица («Русский семантический словарь»); верхняя часть тела человека и животного («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова). Семантическая группа с соматизмом *голова* содержит около 200 производных. Основой переноса значений является сопоставление признаков: голова как передняя часть, верх и начало чего-либо (заголовок, изголовье), и голова как выступающая круглая часть, конец чего-либо (головчатый, боеголовка). Таким образом, содержательное ядро основного значения слова в лексической системе русского языка определяется обязательными свойствами и признаками денотата. Но человеческое сознание способно отражать различные свойства и признаки репрезентируемых в языке реалий – не только объективно, но и субъективно приписываемые или возникающие по ассоциации, которые не входят в содержательное ядро основного номинативного значения слова. Семантическое развитие слова отражает связь определенного органа с его основной функцией в составе человеческого организма, так в *голове* происходят мыслительные процессы.

Соматическая лексика в широком понимании включает и жесты, как средство невербального общения. Впервые в отечественной научной литературе вопрос о характере и способах совместного существования в одном коммуникативном акте нескольких систем поставил А.А. Реформатский. Он считал особенно значимым и необходимым в построении лингвистической теории диалога и общей теории знаковой коммуникации выявление и описание возможных соотношений между языковыми и неязыковыми знаковыми кодами, а также построение типологии единиц и категорий, выделяемых в ходе такого анализа. Круг вопросов относительно невербального общения расширили В.В. Верещагин и В.Г. Костомаров.

В какой мере невербальный язык является национальным феноменом?

Вербальные символы (слова) – основное средство для кодирования идей, предназначенных к передаче, «универсальное средство для отражения человеком окружающего мира» [Верещагин, Костомаров, 1983: 203]. Но значительная часть речевой информации при обмене воспринимается через невербальные символы. Часто невербальная информация транслируется одновременно с вербальной, усиливая и даже изменяя смысл слов. Психологами установлено, что только 40% информации передается за счет вербальных средств, а 60 - 80 % коммуникации осуществляется с помощью невербальных средств. Невербальное поведение, выступающее неотъемлемой частью общения, даёт возможность исследователю изучать средства, организующие контакт и способствующие развитию межличностных отношений. К невербальным средствам общения лингвисты относят паралингвистические (интонация, пауза, дыхание, дикция, темп, громкость, ритмика, тональность, мелодика), экстралингвистические (стук в дверь, смех, плач, различные шумы и т.п.), кинесические (жесты, мимика, контакт глаз), проксемические (позы, телодвижения, дистанция), т.е. пространственно-временную организацию общения.

Соматический язык – это только часть (компонент) невербального языка, определяемая учёными как кинесика. К средствам кинесики (внешним проявлениям человеческих чувств и эмоций) относят выражения лица, мимику, жестикуляцию, визуальную коммуникацию (движение глаз, взгляды). Следующим компонентом невербальной речи является проксемика, которая объединяет такие характеристики, как расстояние между коммуникантами во время общения, их векторные направления. Нередко в область проксемики включают тактильную коммуникацию (прикосновение, похлопывание по плечу и т.д.), которая рассматривается в рамках аспекта межсубъектного дистанционного поведения.

В области лингвистики исследовательский интерес представляет точка зрения на невербальный язык Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. В невербальном языке они вычленяют два языка – русский соматический язык и язык повседневного поведения. К соматическому языку они относят динамичные (мимика, жесты) и статичные (позы, выражения лица –

статичные аналоги жестов и мимики) явления. Выражения лиц, значащие фиксированные положения лицевых мышц – это статичный аналог мимики, а позы, значащие положение человеческого тела, сохраняемые в течение определенного времени – статичный аналог жестов. А это значит, что выражение лиц, позы логично считать не проксемическим невербальным средством, а кинесическим.

Ещё одним компонентом невербальной речи В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин считают внешние проявления вегетативных реакций организма на то или иное эмоциональное состояние. Исследователи только обозначили эту проблему. К соматическому языку они предлагают отнести «симптомы душевных движений и состояний (например, перемены цвета лица человека)». Если жесты исполняются, как правило, для стороннего наблюдателя, то произвольные телодвижения отмечаются при его отсутствии: они внешне выражают внутренние, ненаблюдаемые физиологические состояния, поэтому их можно назвать симптомами [Верещагин, Костомаров, 1983:198].

Можно ли назвать произвольными движениями деятельность вегетативной нервной системы – вопрос спорный, как спорно и то, что разнообразные симптомы – есть единицы соматического языка, поскольку соматический язык более соотносится с такой частью невербального языка, как кинесика. Соматическая нервная система (от греч. Soma «тело, корпус») – часть нервной системы – совокупность афферентных (чувствительных) и эфферентных (двигательных) нервных волокон, иннервирующих мышцы, кожу, суставы. Вегетативная нервная система – часть нервной системы, регулирующая деятельность внутренних органов и систем – кровообращения, дыхания, пищеварения и т.п., обмен веществ и функциональное состояние организма (возбудимость, работоспособность и т.д.). Однако неточность в терминологии и неизученность вопроса о проективных значениях соматических и вегетативных речений несколько не умаляет главного – обозначена проблема, замечено неязыковое явление.

Лингвисты отводят невербальной речи вспомогательную роль при передаче эмоциональной информации. Тем не менее, роль невербальных средств в речевом общении очень велика: часто сущность человека, скрытое

в человеке проявляется через невербальное в общении. Невербальная коммуникация неуловима и подсознательна у носителя языка, и вербальный язык кажется механическим и систематическим. И всё же этот подсознательный язык можно наблюдать и систематизировать.

Как отмечают В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин, некоторые номинативные единицы русского языка обладают закрепленностью за невербальным соматическим языком, т.е. за отражением жестов, мимики, поз, выражений лиц и состояний (покачать головой – сомнение, размахивать сжатым кулаком – угроза и др.). Эти специализированные слова, устойчивые сочетания и все производимые фразы они называют соматическими речениями, предлагают составить словарь соматических речений и представляют образец словарной статьи. За соматическими речениями как явлениями языка, а не речи, стоит целый пласт языковых единиц, требующих наблюдения, анализа и структурирования.

Наиболее универсальные соматические речения усваиваются подсознательно, они интернациональны и являются эквивалентными, например: безразличие, недоумение, презрение, незнание передаётся «пожатием плечами», а негативное ощущение от плохого запаха, выражается «зажатием носа» [Крейдлин, 2004:209]. Но есть неэквивалентные специфические жесты, характерные для разных культур. Они могут совпадать по семантике, но различаться по форме, например, поворот пальцем у виска в русском языке означает, что кто-то сказал глупость, а в китайском языке – стараться вспомнить. Специфические жесты приводят к непониманию с точки зрения межкультурной коммуникации. Во многих жестах отражается национальная специфика и менталитет народа, его история и отношения. Семантика соматический историй в ходе развития может изменяться (например, «бить челом» - отражает историю социальных отношений в Древней Руси: до Петра I существовал обычай «бить челом», приветствуя знатных и уважаемых лиц, или обращаться к адресату с просьбой, подавая жалобы, так называемые челобитные; в современном русском языке «бить челом» - значит «просить о чём-либо» [Крейдлин, 2004:191].

Таким образом, соматическая лексика и соматический язык находятся в тесной взаимосвязи, отражая как универсальные, так и национально-специфические формы проявления и понимания. Соматические речения как устойчивые сочетания отражают определенный, присущий только данному языку способ отражения мира, складывающийся в определенную систему взглядов, разделяемую всеми его носителями, таким образом, участвуют в формировании образной картины мира. Но способ видения мира через языковые образы, запечатленные в системе языка, являясь глубоко национальным, покоится на общих для всех людей (т.е. универсальных) логико-психологических и собственно-лингвистических основаниях. Набор устойчивых понятийных категорий, обусловленный внутренними закономерностями выражения экстралингвистических концептов в языковых формах, по мнению ряда ученых, универсален, или близок к таковому, так как основывается на отражательной деятельности людей, общечеловеческом характере ассоциативных механизмов и логико-мыслительных операций в процессе фразеологического переосмысления.

Литература

- Красных, В.В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. М., 2003.
- Крейдлин, Г.Е., Кронгауз М.А. *Семиотика или азбука отношения*. М.: Наука, 2004.
- Лихачёв, Д.С. *Поэтика древнерусской литературы*. Л., 1967.
- Мазалова, Н.Е. «Человек в традиционных соматических представлениях русских» . Н.Е. Мазалова. СПб: Петербургское востоковедение, 2001.
- Маковский, М.М. «Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике». *Учебн. пособие. - Изд. 2-е, стереотип*. М.: КомКнига, 2005.
- Постовалова, В.И. *Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира..* В.И. Постовалова. М., 1988.
- Словарь старославянского языка восточно-славянской редакции XI – XIII. /АН УССР Институт языковедения им. А.А. Потемби..* Киев: Наукова думка, 1987.
- Срезневский И.И., *Словарь древнерусского языка*. М.: Книга, 1989. Т. 1, часть 1: (А – Д).
- Степанов, Ю.С. «Константы». *Словарь русской культуры: 2-е изд-е, испр. и дополн.* М.: Академический проект, 2001.
- Толстой, Н.И. «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян». *Вопросы языкознания*, 1961, №4.
- Трубачев, О.Н. *Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования*, О.Н. Трубачев; Отв. ред. Н.И. Толстой. изд. 2-е, доп., М.: Наука, 2002.
- Фасмер, Макс *Этимологический словарь*. Под ред. Б.Н. Ларина: В 4 т. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986 – Т. 1: А – Д.
- Фасмер, Макс *Этимологический словарь*. В 4 т. М.: Прогресс, 1971, Т. 3: (Муза – Сят) .
- Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1: А – Пантомима.
- Шанский, Н.М., Боброва, Т.А. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Прозерпина, 1994.
- Этимологический словарь русского языка*. Под ред. Н.М. Шанского. Том 1, Выпуск 4. М.: МГУ, 1972.
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. О.Н. Трубачева. Выпуск 6. М.: Наука, 1979.

<Abstract>

Etymological, Semantic and Word-Forming, Linguo-Culturological Aspects of Somatic Lexis (based on “head” lexis)

Nemtseva L.

A man is aware of the reality through receptors and organs. Universal lexical group presents somatic lexis. The words denoting body correspond to the most ancient layer of lexical structure in any language.

The interest to somatic lexis can be explained by growing attention to the language anthropocentrism, problems of human factor, anthropological linguistics that studies the language “in a close link to a man, his consciousness, mentality and mental-practical activity”.

The high level of somatic lexis’ currency can be explained by their etymological nature, flexibility in a language system and polysemousness. The somatic lexis reflects the natural psychological features of a person, the feelings and emotions. However, the specific conditions of culturological development influence on the distribution of perception on “the naive anatomic map of a man”.

Key Words: Picture of the world, Lexical Semantics, Lexical meaning, Componential Analysis